

-- ПРИХОД --



Коллектив авторов
Приход № 8 (июль
2014). Петр и Павел
Серия «Приход.
Православная газета», книга 8

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7668875

Приход № 7. Петр и Павел: Новый православный клуб; Москва; 2014

Аннотация

Православная газета «Приход» не похожа на все, что вы читали раньше, ее задача удивлять и будоражить дух. Поднимаемые в ней вопросы призваны поддержать здоровую дискуссию вокруг важнейших вопросов жизни Церкви, а не заклеить и растоптать. Газета будет интересна как делающим первые шаги в Церкви или уже крепким прихожанам, так и людям, у которых Бог в душе. Среди постоянных рубрик «Прихода» – «Мнения», «Новый Завет», «Миссионерская школа» и «Культура».

В номере на Петра и Павла, наконец, очень много обратной связи по поводу статей, публиковавшихся в последних двух выпусках. В «Полемике» интереснейшие дебаты по поводу (не) возможности объединения с католиками. В «Новом Завете» обсуждаем сложные места из Евангелия на примере

фрагмента, в котором Иисус говорит, что не надо нам совсем заботиться о земном. Еще делимся собственным опытом проведения бесед перед крещением – важнейшей части подготовки добрых христиан, о которой многие забывают. За границу родины отправляется наш собственный корреспондент, передающий репортаж из далеких Арабских Эмиратов, где тоже есть православный храм. Завершаем рубрику интервью с сыном основателя православного радио Америки, выдающемся христианском информационном ресурсе наших дней.

Содержание

Навигатор	5
Мнения	7
История	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Приход № 7. Петр и Павел

Навигатор

В номере не Петра и Павла наша обычная историческая рубрика, позаимствованная со страниц книги священника Георгия Митрофанова, а также, наконец, очень много обратной связи по поводу статей, публиковавшихся в последних двух выпусках. Спасибо ребятам!

В «Полемике» интереснейшие дебаты по поводу (не) возможности объединения с католиками. «Новый Завет» открываем сложным фрагментом из Евангелия, в котором Иисус говорит, что не надо нам совсем заботиться о земном. Как же так? В «Апостоле» – опыт литургической проповеди на Петра и Павла по мотивам лекции архимандрита Ианнуария Ивлиева.

«Миссионерскую школу» открывает продолжение серии публикаций по страстям и добродетелям архимандрита из Англии. Еще делимся собственным опытом проведения бесед перед крещением – важнейшей части подготовки добрых христиан, о которой многие забывают. За границу родины отправляется наш собственный корреспондент, передающий репортаж из далеких Арабских Эмиратов, где тоже есть православный храм. Завершаем рубрику интервью с сыном основателя православного радио Америки, выдающемся хри-

стианском информационном ресурсе наших дней.

В «Электроглях» добрый и трогательный рассказ нашего жителя Василия Ивановича Безрукова.

Мнения

История

В пленении и скорби. Русская Церковь и советские военнопленные в годы Второй мировой войны

Фрагмент сборника статей священника Георгия Митрофанова «Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века»

Судьба советских военнопленных в годы Второй мировой войны составляет одну из самых трагичных, не имеющих аналогов в мировой военной истории страниц нашего прошлого. В течение послевоенных десятилетий вопрос о судьбе советских военнопленных либо обходился молчанием, либо рассматривался с тенденциозных, подчиненных требованиям коммунистической пропаганды позиций. Лишь в последние двадцать лет этот вопрос стал предметом как научно объективного исследования историков, так и нравственно взвешенного изображения публицистов. Однако «белым пятном» в исследовательской литературе продолжает оставаться тема участия в судьбе военнопленных Русской Православной Церкви, который попытался в той трагической ситуации последовательно и бескорыстно оказывать помощь

хотя бы немногим из миллионов страдальцев, оказавшихся в немецко-фашистских лагерях для военнопленных. И несмотря на то, что в последние годы стали появляться работы, в которых уделяется некоторое внимание изучению данного вопроса, в отечественной церковно-исторической литературе тема помощи советским военнопленным со стороны Церкви так и не находила до настоящего времени своего сколько-нибудь заметного отражения, возможно, в связи с тем, что наибольшую помощь советским военнопленным оказывали представители Русской Православной Церкви Заграницей.

Сопровождавшееся многочисленными окружениями частей Красной армии стремительное наступление германских вооруженных сил привело уже в конце 1941 г. к тому, что в ближнем и дальнем тылу немецко-фашистских войск оказалось около 3,5 млн советских военнопленных, к которым в 1942 г. прибавилось еще более 1 млн. Всего же за период войны количество советских военнопленных достигло около 6 млн человек. Столь массовое пленение советских военнослужащих, превратившееся уже в первые месяцы войны в беспрецедентную в мировой военной истории гуманитарную катастрофу, делало практически невозможным создание для них условий содержания, соответствующих требованиям международных соглашений о военнопленных, даже если бы фашистская Германия и СССР готовы были их соблюдать. Однако тоталитарные режимы обеих стран факти-

чески отказались от исполнения требований не только Женевской, но и Гаагской конвенций о военнопленных.

Уже 16 июня 1941 г. генерал Г. Рейнеке, начальник Службы общего управления армии при Верховном командовании Вооруженными силами Германии, которая определяла политику армии по отношению к военнопленным, издал директиву об обращении с попавшими в плен советскими военнослужащими. Эта директива не только подтверждала ранее действовавший приказ о немедленном расстреле попадавших в плен политработников, сотрудников НКВД и военнослужащих еврейской национальности, но и подчеркивала, что «в отношении военнопленных Красной армии следует соблюдать исключительную осторожность и настороженность. Следует считаться со злонамеренным поведением, особенно военнопленных азиатского происхождения. Поэтому необходимо решительное и энергичное пресечение даже малейших признаков неповиновения». «Большевицкий солдат потерял право на то, чтобы с ним обращались как с честным противником, в соответствии с правилами Женевской конвенции... – писал генерал Г. Рейнеке в директиве от 8 сентября 1941 г. – При малейшем намеке на неподчинение... должен быть отдан приказ о безжалостном и энергичном действии... Каждый, кто при проведении этого приказа не прибегнет к своему оружию или сделает это недостаточно энергично, подлежит наказанию... Использование оружия против советских военнопленных вполне за-

конно». Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на некоторые изменения в германской политике по отношению к советским военнопленным после 1942 г., основные принципы этой политики, основывавшейся на постулатах нацистской идеологии, последовательно проводились в жизнь на протяжении всего периода войны.

Не менее жестокой по отношению к советским военнопленным оказывалась политика советского руководства, исходившая из принципов столь же человеконенавистнической, как и нацистская, коммунистической идеологии. Отказываясь на протяжении всего периода войны от каких бы то ни было переговоров с германским руководством об оказании помощи советским военнопленным при посредничестве Международного Красного Креста, сталинский режим уже в первые месяцы войны объявил своих военнопленных изменниками Родины. В приказе народного комиссара обороны СССР № 270 от 16 августа 1941 г. подчеркивалось: «Командиров и политработников, во время боя срывающих знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою родину дезертиров... Обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим. И если такой начальник или часть красноар-

мейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать-ся ему в плен, – уничтожать их всеми средствами, как назем-ными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красно-армейцев лишать государственного пособия и помощи». На протяжении всей войны коммунистическое руководство не только не предпринимало никаких попыток облегчить отча-янное положение советских военнопленных, но всячески на-саждало пропагандистское представление о них как о госу-дарственных преступниках, судьба которых не может иметь никакого значения для СССР.

Результатом столь преступной политики двух тоталитар-ных режимов по отношению к почти 6 млн советских воен-нопленных стала гибель в годы войны более чем 3,5 млн во-еннопленных. Смертность в этот период составляла в сред-нем 57 %. Для сравнения следует указать, что в годы вой-ны смертность американских и английских военнопленных в немецких лагерях, находившихся благодаря позиции их пра-вительств под покровительством Международного Красного Креста, составляла 3,5 %, и даже смертность американских военнопленных в считавшихся весьма жестокими японских лагерях не превышала 27 %. Иной была судьба русских воен-нопленных в годы Первой мировой войны, когда правитель-ства России и Германии старались придерживаться принци-пов международного права по отношению к военнопленным, благодаря чему смертность среди русских военнопленных составляла в среднем 5,4 %.

Оставленные собственным правительством на полный произвол германской военной администрации, выполнявшей чело­веконенавистнические директивы нацистского партийно-государственного руководства, советские военнопленные были лишены оккупационными властями возможности получать какую-либо помощь и со стороны, впрочем, также находившегося в бедственном положении гражданско­го населения оккупированной территории СССР. При этом уже с 1942 г. большинство оставшихся в живых военнопленных после самой страшной для них зимы 1941–1942 гг. было переведено в лагеря, находившиеся за бывшей границей СССР.

В этих трагических условиях единственным общественным институтом, способным отозваться на нужды советских военнопленных, оставалась Русская Православная Церковь, которая на протяжении всей своей многовековой истории воспринимала русских военнопленных как своих страждущих в неволе сынов и которая имела огромный опыт оказания как духовной, так и материальной помощи всем пребывающим в узах. Однако охвативший всю оккупированную территорию процесс восстановления церковной жизни, когда на месте практически полностью уничтоженных во время коммунистических гонений десятков епархий и десятков тысяч закрытых приходов за два года было открыто около 10 тыс. храмов, ставил духовенство перед необходимостью осуществлять на возрождавшихся приходах деятель-

ность, направленную прежде всего на пастырское окормление гражданского населения.

Однако уже в ноябре 1941 г. Псковская Духовная миссия выпустила обращение к населению, призывавшее оказывать материальную помощь советским военнопленным, которую члены Миссии готовы были доставлять в лагеря несмотря на весьма сдержанное отношение немецких военных властей. «Тронутые любовью к нашим в плену находящимся братьям, мы желаем им помочь и удовлетворить их нужды... – подчеркивалось в обращении. – Мы знаем, что русский человек не будет стоять в стороне, когда надо помочь ближнему... Дайте, что можете: одежду, обувь, белье, одеяла и т. д. Все будет принято с благодарностью и будет роздано военнопленным: «Рука дающего да не оскудеет»».

Периодически предпринимавшиеся попытки духовенства оккупированных территорий оказывать пастырскую и гуманитарную помощь советским военнопленным получили формальные возможности для активизации лишь в период, когда большинство военнопленных находилось за пределами территории СССР, и не могли существенно повлиять на общее положение советских военнопленных.

Представители русской церковной иерархии, находившиеся в странах Европы и прежде всего в Германии, где церковноприходская жизнь продолжала развиваться достаточно стабильно даже в годы войны и куда уже в первые месяцы войны стало прибывать значительное число советских воен-

нопленных, попытались живо откликнуться на их столь многочисленные духовные и материальные нужды. Уже 21 июля 1941 г. возглавлявший Германскую епархию Русской Православной Церкви Заграницей архиепископ Серафим (Ляде) обратился с письмом в отдел военнопленных Службы общего управления армии при Верховном командовании Вооруженными силами Германии. В этом письме архиепископ Серафим просил предоставить русскому духовенству возможность «организовать православное душепопечение пленных красноармейцев» и «посылать священников с целью совершения богослужений в лагерях военнопленных». Предложение архиепископа Серафима организовать силами подведомственного ему духовенства систематическое пастырское окормление советских военнопленных в лагерях, находившихся как на территории Германской епархии, так и на других территориях, в конечном счете не получило поддержки Верховного командования Вооруженными силами Германии, руководствовавшегося в течение всего периода войны оперативным приказом начальника Имперской службы безопасности Р. Гейдриха от 16 августа 1941 г. В этом приказе подчеркивалось, что «религиозную опеку военнопленных не следует особо стимулировать и поддерживать. Там, где среди военнопленных имеются священнослужители, последние могут, если это отвечает желанию самих советских людей, осуществлять религиозную деятельность. Привлечение священников из Генерал-губернаторства или с территории

Рейха для религиозной опеки советско-русских военнопленных исключается». По справедливому замечанию исследовавшего данный документ М. В. Шкаровского, «фактически этот приказ был близок к полному запрету, так как священники среди военнопленных, естественно, являлись редчайшим исключением, а какое-либо участие зарубежного духовенства категорически исключалось».

Однако исполнение данного приказа представителями лагерной администрации далеко не всегда было безусловным, и уже с первых месяцев войны коменданты отдельных лагерей неоднократно разрешали пастырскую деятельность русского православного духовенства среди военнопленных. Так, например, уже в сентябре – октябре 1941 г. в лагере города Судауена в Восточной Пруссии священником Владимиром Жеромским было проведено несколько богослужений, на которых присутствовало до 1,5 тыс. военнопленных, из которых удалось составить хор в 50 человек, сумевших по памяти пропеть необходимые для этих богослужений церковные песнопения. Подобные случаи неоднократно имели место в это время не только в лагерях Германии, но и на территории Генерал-губернаторства, где главный комендант лагерей для военнопленных в октябре 1941 г. следующим образом характеризовал опыт проведения лагерных богослужений: «Совершенно добровольное участие в этом и интерес к религиозным вопросам были всегда чрезвычайно высоки... Местами образовывались хоры, которые с большим

усердием участвовали в богослужении и разучивали церковные песнопения с большой старательностью и увлечением».

Исходя из неоднократно имевших место прецедентов совершения богослужений в лагерях для военнопленных духовенством Русской Православной Церкви Заграницей осенью – зимой 1941 г., собрание духовенства Германской епархии в январе 1942 г. уполномочило архиепископа Серафима вновь обратиться к Верховному командованию германских вооруженных сил с просьбой о разрешении осуществлять систематическую пастырскую деятельность в лагерях для военнопленных. Однако весной 1942 г. германское военное руководство вновь ответило отказом.

Аналогичная реакция со стороны Верховного командования германских вооруженных сил имела место и по отношению к инициативам представителей церковной иерархии Московской Патриархии, действовавших на оккупированной территории СССР и стремившихся систематически осуществлять духовное окормление военнопленных, оставшихся на данной территории. Последнее из подобных обращений, поступившее со стороны экзарха Московской Патриархии в Прибалтике митрополита Сергия (Воскресенского) и даже поддержанное комендантом лагерей для военнопленных при командующем частями вермахта в рейхскомиссариате «Остланд», было отклонено в конце 1943 г.

Наряду с представителями духовенства Русской Православной Церкви Заграницей осуществлять пастырскую дея-

тельность среди советских военнопленных, находившихся в лагерях европейских стран, стремились и находившиеся под особым подозрением у немецких властей священнослужители Западноевропейского экзархата Вселенской Патриархии. Архимандрит Иоанн (Шаховской) впоследствии так описывал свое посещение в 1942 г. офицерского лагеря в окрестностях Бад-Киссингена. «В нем содержалось около 3 тыс. советских командиров, главным образом молодых лейтенантов; но были и штаб-офицеры – в особом здании... Можно представить мое удивление, когда среди этих советских офицеров, родившихся после Октября, сразу же организовался церковный хор, спевший без нот всю литургию. Приблизительно половина пленных захотели принять участие в церковной службе, общей исповеди и причастились Святых Таин. В этой поездке меня сопровождал о. Александр Киселев... Мы остались под огромным впечатлением от этой встречи с несчастными, раздавленными и войной, и лишениями, и унижениями русскими людьми». Следует отметить, что упомянутый архимандритом Иоанном священник Александр Киселев, служивший под омофором митрополита Серафима, весьма успешно, по мнению своего митрополита, начал в это время «окормлять все виды имевшихся под Берлином лагерей».

Регулярно предпринимавшиеся на основе частных договоренностей с отдельными представителями лагерной администрации попытки православного духовенства осуществ-

лять церковную деятельность среди военнопленных подчас приводили к весьма значительным результатам, как, например, в лагере для военнопленных в Луккенвальде, где 2 августа 1943 г. в специально отведенном для этого бараке епископом Потсдамским Филиппом было совершено освящение храма во имя св. равноапостольного князя Владимира. Еженедельные воскресные богослужения в этом храме стали совершаться священником Михаилом Поповым, который был узником данного лагеря.

Опыт создания лагерного храма в Луккенвальде способствовал активизации попыток со стороны митрополита Серафима добиваться разрешения германских властей на рукоположения священнослужителей для окормления военнопленных из числа самих узников лагерей. И несмотря на то, что Верховное командование германских вооруженных сил не давало принципиального согласия на совершение подобного рода хиротоний, в ряде случаев митрополиту Серафиму удавалось добиваться успеха, как, например, это имело место в случае с рукоположением 20 ноября 1944 г. священника Дмитрия Константинова. Впрочем, священнику Дмитрию Константинову вскоре пришлось организовывать в Дабендорфе походный храм во имя св. апостола Андрея Первозванного, в назначение которого входило пастырское окормление прежде всего тех военнопленных, которые вступили в вооруженные силы Комитета освобождения народов России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.